

ИВАН КРАСТЕВ

УПРАВЛЕНИЕ

НЕДОВОЕРИЕМ

ТЕТРАДКИ GEFTER.RU

Тетрадки Gefter.Ru

Иван КРАСТЕВ

Управление недоверием

«Европа»

2014

Крастев И.

Управление недоверием / И. Крастев — «Европа»,
2014 — (Тетрадки Gefter.Ru)

Жива ли еще демократия? Гарантирует ли она «нормальный миропорядок», которого все ждали совсем недавно? Монография посвящена современному упадку политического стиля Европы и кризису демократической культуры. Крастев видит проблему не в институтах демократии, а в потере доверия масс к элитам. Он описывает мир управления недоверием, где элиты отгородились от избирателя «прозрачностью» и «сетевой демократией» (monitory democrasu). Драма Украины – коррупция элит и уличные протесты – заводят средний класс в популистскую ловушку. Став сетевым конспирологом, избиратель попал в руки менеджеров недоверия. Автор книги – европейский политолог и философ Иван Крастев, председатель Центра либеральных стратегий (София) и постоянный научный сотрудник Института гуманитарных наук (IWM, Вена). Один из ведущих мировых интеллектуалов предлагает сжатый очерк перемен, надвигающихся на Россию: бум конспирологии в сумерках демократии.

Содержание

Архипелаг недоверия	5
Введение	8
Часть I	9
Недоверие избирателей	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Иван Крастев

Управление недоверием

Архипелаг недоверия

1. «Эта книга о демократии», вот первые слова автора – и нам их довольно, чтобы почти потерять интерес. Но для Ивана Крастева демократия – в опыте работы с реальностью. В России нет мест проработки опыта, и, не распознав собственных действий, мы огульно недоверчивы ко всему. Поэтому трактат о *демократии недоверия* для нас актуален.

Недоверие сопровождало нашу политику с первых дней и только росло. Редкие всплески доверия всегда были частными исключениями. Уже продвижение Ельцина в президенты строилось на управлении страхами избирателя. Процедуры еще соблюдали, но лишь как технику переноса недоверия – с президента на его врагов. Иные иконы доверия потемнели и были забыты, как Григорий Явлинский, Борис Немцов или генерал Лебедь. Но каждого из бывших идолов провожали столь яростным спазмом отречения, что недоверие в конце концов вошло нам в кровь.

2. Не отстояв идеал демократизации через европеизацию, Запад третий раз за сто лет после 1914-го проигрывает свою универсальную ставку. Иван Крастев никак не отграничивает упадка публичной политики в Европе от постсоветского Евровостока, которые чаще рассматривают обособленно. Размывание западного ядра евровосточной периферией объединено сюжетом общей драматургии – уже не рост прогрессивных сил. Не бунт левых «детей» против меритократических «отцов», а мятежи разобщенных граждан. Прощальный отказ горожанина, теряющего электоральную власть, от демократии участия.

Антиэлитный призрак вечно бродил в демократиях как закваска будущего. Но современный популизм не сродни мятежам 1968 года. Он не ищет утопий, требуя профинансировать ускользающий быт. Популизм движений XXI века взывает к потребительским правам, пытаясь воскресить докризисный образ жизни.

3. Центральная мысль Крастева – истощение способности демократии осваивать свой же домен, семью европейских обществ. Внешне на месте системы выборов работают политические институты. Однако все пошло чуть-чуть не так, как ждали. (Чудная метафора автора об избирателях, которые проголосуют однажды незаполненными бюллетенями, грозит сбыться в России.)

И вот это *чуть-чуть не так* однажды оборачивается, к примеру, падением Украины.

Украинская революция началась с ярких, знакомых сцен городского мятежа против коррумпированной автократии. Где такого не бывало? Сербия, Тунис, Таиланд... Но развертывание бунта в революцию привело к потере демократического пафоса. Завладев победой Евромайдана, старая элита спустила революцию с лестницы и, вытолкнув на Восток, заклемила «терроризмом». Не доверяя украинским избирателям Востока и Юга, Киев присвоил монополию триумфатора. (Тут Киев и Кремль мыслят одинаково, оба избирателю не доверяют.)

Украинская революция стала первой *революцией недоверия*. Именем «небесной сотни» развоплотили реальную страну. При помощи Москвы потеряли Крым; Одесса, как Беслан, дала новый топоним немислимому; в кровавом пятне Новороссии размокли границы. Буржуазная толерантная Украина приобщается к сонму теней Югославии.

4. Крастева тревожит падение готовности демократий к самопознанию – ведь демократы управляли словом и побуждением к выбору.

Но голоса глухнут, а обесцвеченные выборы выливаются в яркие уличные мятежи. *Оккупай* стали мейнстримом: оккупай Уолл-стрит, оккупай Таксим, оккупай Майдан... Но, в отличие от 1960-1980-х, каждый Оккупай отстаивает лишь самое себя. «Оккупай» Болотной выступил в защиту столичного стиля, политически его не уточнив. Этот консерватизм протеста был тут же подмечен властью – и обращен ею против «либералов с айфонами в норковых шубах».

Крастев говорит об упадке культуры компромисса. Избиратель уходит из институтов – демократическая система его теряет. Рост символической враждебности к элитам и мигрантам лишь симптом. Гражданин развернул герилью против воображаемых меньшинств, посягающих на его привычки. Он воюет против них виртуально, а социальные сети осыпают его «лайками», иллюзией большинства – которого он не обнаружит, когда выйдет на площадь.

5. Крастев отмечает болтовню о сетевой демократии – развитие социальных сетей не привело к росту прозрачности и контроля. Подачки недоверчивым, вроде российских видеокамер на избирательных участках, – фальш-окна, которые никуда не ведут. Зато граждане заняты сбором и передачей гигабайтов никому не нужных данных, а социальные сети гудят. Всюду сетевые инициативы: одни охраняют рыбок, другие – права рыбаков, третьи – спасают червячка от тех и этих, – мощное гражданское общество – сетевая *Monitory Democracy!*

Но по Крастеву, процесс демократии бесповоротно ушел на территорию недоверия. Сеть предлагает изумительные видовые туры для каждого презирающего элиты. Цифровые устройства позволят наблюдать за функционером хоть круглосуточно – чем это принципиально отличается от браслета на Навальном? Как доказал Сноуден, в конце концов, все данные стекаются в один кабинет. Зато недоверчивая демократия сработала на отрицательный кадровый отбор – сильные характеры не идут в политику, это поднадзорное занятие. В результате у Европы нет хватки. Нет лидеров, способных выдвигать решения, например, по той же Украине.

Демократический субъект Европы выбрал *право на отказ*. Он уходит из реальной политики, чтобы далее заглядывать в нее сквозь смартфон.

6. Меритократии знали сюжет, ведущий из прошлого в будущее, – новым демократиям недостает глубины, чтоб отнестись к своему будущему всерьез.

Став беспамятной, публичная политика очень изобретательна в техниках недоверия. Расцвет конспирологий вместо критики, инфографика вместо драмы убеждений. Крастев видит беду не в институтах, а в крахе доверия масс к меритократии элит. Он рисует мир, где элиты отгорожены от избирателя экраном «сетевой демократии». А тем временем, как показала и трагедия Украины, коррупция элит при злорадной конспирологии масс ведет средний класс в ловушку.

Отсюда гипотеза Ивана Крастева: поскольку демократия без доверия невозможна, мейнстрим недоверия ознаменует паломничество Запада на Восток. Конвергенцию с нынешней Россией.

7. Россия воздвигла архипелаг недоверия, который с трудом сдерживает Путин. Местные элиты едва увертываются от масс, переадресуя их злость меньшинствам – воображаемым «бандеровцам», «либералам», «пятой колонне»... Мишени все волшебней, а реальные угрозы ближе; страх и ненависть всех ко всем все тотальной. Желая уберечь Европу от нашей судьбы, автор предупреждает, что управлять недоверием – не выход для демократий.

Сегодня недоверчивая Россия отрекается от мира, с которым едина и нераздельна (изолироваться значило бы для нас просто распасться). Но отречение смещает ориентиры, и Крастев

рекомендует всем нам свериться, если не поздно. Иначе демократия станет анахронизмом прежде, чем будет отменена.

Глеб Павловский

Введение

Демократия без доверия

Эта книга о демократии. О демократии не как об идеале или наборе институтов, но как о коллективном опыте. Эта книга о природе и источниках нашего нынешнего разочарования в демократии. Будучи одновременно понятием и реальностью, демократия переживает радикальную трансформацию. Социальные и политические революции 1970-х и 1980-х годов («от Вудстока до Уоллстрит»), революции «конца истории» 1989 года, цифровая революция 1990-х годов, демографическая революция, политическая революция мозга, которая разворачивается перед нашими глазами, вызванная новыми открытиями в науках о мозге и бихевиористской экономике, сделали граждан свободнее, чем когда бы то ни было. Но одновременно все эти революции ослабили власть демократического избирателя. Наши права более не обеспечиваются нашей коллективной властью как избирателей, но подчиняются логике финансового рынка и существующим конституционным механизмам. Избиратели могут поменять правительство, но абсолютно не способны изменить экономическую политику. Элиты освободились от идеологической и национальной лояльности и стали глобальными игроками, оставив общество у разбитого корыта национального государства. Наступил глубокий упадок общественного доверия к эффективности общественных институтов. Это недоверие возникает не по причине порчи общественных служб. Оно возникает из-за того, что избиратели почувствовали свое собственное бессилие, – из-за их разочарования в демократии.

Некоторые из наиболее проницательных теоретиков современной демократии – включая Пьера Розанваллона, автора блестящей книги «Контрдемократия», – настаивают на том, что мы напрасно встревожены упадком доверия к институтам представительной демократии. Они утверждают, что это недоверие является критическим элементом политической системы и что демократия – это не столько про доверие, сколько про организацию недоверия. Словом, мы живем в век, когда обычные граждане могут проводить эффективный мониторинг исполнительной власти, а избиратели могут добиваться изгнания облеченных властью негодяев. Тем не менее граждане-избиратели вынуждены признавать, что не от них теперь зависит, в каком обществе они будут жить.

Верите ли вы в такую демократию недоверия? Можем ли мы довольствоваться нашими правами, не имея реального политического выбора? Я считаю, что нет, не можем. И эта небольшая книга является попыткой объяснить, почему это так.

Эта книга задумывалась не как пособие для ведения полемики или решения практических задач. Она представляет собой размышление, и читать ее нужно ради удовольствия от вопросов, которые она ставит, а не ради пользы от удачных ответов, которые она дает. Она написана как джазовая пьеса в тональности веселого скептицизма: скептицизма по отношению к уже опубликованным некрологам демократии, равно как и по отношению к иступленному желанию возродить демократию, полагаясь на несокрушимую силу технологического воображения. Это импровизация на тему демократии и доверия. Вопрос можно поставить просто: может ли демократия существовать без доверия?

Часть I

Недоверие избирателей

«Выборы ничего не решают» – гласит граффити, намалеванное на стене в центре моего родного города Софии. «Если бы выборы что-то решали, их бы запретили».

Никто не помнит, когда это граффити впервые появилось или кто его нарисовал, – возможно, какой-нибудь молодой анархист или совсем немолодой уличный художник. Никто не знает, почему состоятельные владельцы здания никогда не удаляли его (нет ничего удивительного в том, что муниципальные службы не смыли его, ведь у них никогда нет денег на такие вещи). Но со временем граффити стало своего рода девизом путешествия болгар через дебри демократии.

Когда бы их ни спросили, болгары никогда не упускают возможности сообщить социологам, репортерам и своим друзьям, что выборы ни черта не изменят. И не только болгары так думают и говорят.

Для того чтобы подчеркнуть общественный цинизм в отношении современной партийной политики, стоит пересказать историю Владимира Бойко. Бойко – молодой украинец, амбициозный, прагматичный и предприимчивый. В 2004 году он вместе с тысячами других молодых людей проводил дни и ночи на центральной площади Киева, протестуя против фальсификации результатов украинских президентских выборов. Он и люди, подобные ему, были символом национальной мечты о подлинной демократии. Они надеялись, что демократия принесет им процветание, новые возможности и перемены. К сожалению, как мы знаем, вместо этого после революционного оранжевого десятилетия Украина стала свидетелем коррупции, высокомерия и гордыни людей, облеченных властью. Украинские олигархи снова оказались единственными бенефициарами перемен. Вскоре после этих революционных дней лидеры движения перешли в наступление, но не против коррупции, а друг против друга. Экономика перешла в свободное падение. Негодяи дней революции выставлялись теперь спасителями нации. Что касается Бойко, он перестал интересоваться национальными проблемами и занялся заколачиванием денег. Сейчас его бизнес – это «аренда толпы». Его компания, «Легкая работа», собрала базу данных на нескольких тысяч студентов, пенсионеров и безработных, которых можно мобилизовать в любой момент для организации политических демонстраций в любом месте Киева. Они могут стоять часами и по команде выкрикивать приветствия или издевки. Для Бойко и его наемных работников идеология не имеет значения, когда они соглашаются играть роль «граждан» во время этих демонстраций. Им важно только то, чтобы деньги – обычно это 4 доллара за час – были выплачены вовремя. То, что было гражданским активизмом в дни «оранжевой революции», в наше время превратилось в активизм торгашей. Демократия уже не означает политику, демократия – это деловое предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.